

УДК-32(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-2-17-26

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ольга Кузнецова

Томский государственный университет

Дмитрий Михайлов

Сибирский Институт Управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Аннотация

Статья посвящена стратегиям организации образа врага (энемификации) как элементу языка вражды, который стал актуальным в российском общественно-политическом пространстве после 2012 г. Радикальные формы энемификации в современном российском общественном дискурсе приобрели милитаризованную форму, которая концентрированно выражена в двух концептах – «предатель» и «оккупант». Эволюцию языка вражды мы связываем с изменениями стратегий деполитизации. Новая социальная констелляция, сложившаяся в условиях экономического кризиса, заставила власть изменить принципы деполитизации. На смену административной, апеллирующей к экономической целесообразности стратегии, пришла стратегия секьюритизации ключевых сфер общественной жизни. Это резко радикализовало общественно-политический дискурс, в котором центральное место заняла милитаризованная риторика. Стремясь вытеснить друг друга за пределы политики, оппоненты приняли на вооружение концепты «предательство» и «оккупация». Основными источниками выступают материалы социальных сетей и СМИ, публицистика широкого спектра политических деятелей современной России.

Важным инструментом стратегии секьюритизации стала информационная кампания, направленная на борьбу с «предателями», составляющими «пятую колонну». В результате, значительная часть оппозиционных сил была выведена за скобки общественно-политической жизни. Сужение политического пространства определило ответную стратегию исключаемого сообщества, которая реализуется посредством концепта оккупации. Понятие «оккупант» широко используется всем спектром политических сил несистемной оппозиции, однако его содержание определяется конкретными идеологическими установками.

В статье милитаризованная риторика современного российского общественно-политического пространства рассматривается с точки зрения универсальных стратегий национального государства и роли мемориальных практик в организации сообщества.

Ключевые слова: власть; несистемная оппозиция; секьюритизация; образ врага; язык вражды; оккупант; предатель.

Введение

С началом эпохи национального суверенитета и распространением индустриальных видов вооружения состояние готовности гражданского населения к уничтожению «потенциального противника» становится одним из ключевых стратегических ресурсов государства. В XX в. милитаризованный дискурс начинает определять общественно-политическую повседневность: логика военных действий становится логикой всего общества. Психологическим условием современной войны становится регулярное воспроизводство в общественном сознании образа «врага» (Rieber & Kelly, 1991: 4). В связи с этим реализуемые в обществе стратегии энемификации можно рассматривать как один из ключевых индикаторов его состояния.

Большой интерес в этом отношении представляет последовавшая после выборного цикла 2011–2012 гг. трансформация взаимосвязей российской власти и общества, результатом которой стало переопределение ключевых политических акторов (Gelman, 2015: 17). Новая общественно-политическая констелляция сопровождалась накалом полемики, язык вражды все чаще приобретал крайние формы, что нашло непосредственное выражение в процессе создания образа «врага».

В постструктуралистской традиции, с ее вниманием к бинарным оппозициям, сформировалось понимание непрерывности воспроизводства коллективной идентичности через отграничение «Другого» от «Я». Содержание коллективной идентичности определяется через постоянную групповую маркировку, которая имеет ситуативный характер. Политический дискурс потенциально содержит в себе разделение, посредством которого осуществляется стереотипизация и рутинизация образа «Другого». Следовательно, политический смысл ситуация может приобретать, когда попадает в систему маркирования «свой-чужой», а политический процесс будет сводиться к борьбе за переопределение «народа», что подразумевает формирование исключённого из политики сообщества (См.: Butler, 2015: 4). Сам акт политического исключения является актом, институализирующим власть.

Производство опасности, таким образом, является неотъемлемой частью непрерывного процесса формирования социально-политической идентичности (Макарычев, 20: 26). «Другой» становится ключевым дискурсивным механизмом суверенизации, и в этом контексте актуализируется центральная проблема политического суверенитета – проблема безопасности. Формирование образа «врага» требует абсолютизации общественной проблемы и выведения ее за пределы политического в область национальной безопасности. Перевод отдельных аспектов общественной жизни в сферу национальной безопасности позволяет производить дискурсивную среду, в которой категоризируется «опасный враг», политическое взаимодействие с которым невозможно. «Другой» превращается в экзистенциальную проблему, разрешение которой не предусматривает использования обычных политических методов и средств. Это создает моральную основу для легитимации «экстренных мер» в отношении объекта, имеющего иную оценку ситуации.

Важным средством переопределения конкурирующих политических групп является язык вражды, который в том числе «позволяет заново идентифицировать говорящего и те сообщества, к которым он себя причисляет» (Радченко и Архипова, 2018: 194). В данной работе мы исходим из того, что крайние формы энемификации в современном российском общественном дискурсе приобрели милитаризованную форму, которая концентрированно выражена в двух концептах – «предатель» и «оккупант». Цель статьи – описание и анализ изменений в стратегиях организации «врага», которые последовали за выборными кампаниями 2011–2012 гг. Источником послужили материалы социальных сетей, СМИ, публицистика деятелей современной России широкого политического спектра.

«Иностранные агенты» в контексте изменения стратегии деполитизации

Как отмечалось рядом исследователей, деполитизация стала основным содержанием деятельности Владимира Путина с момента его прихода к власти (Mogozov, 2015: 138.). В 2000-е гг. процесс деполитизации охватывает все больше областей общественной жизни: из политической сферы выводились СМИ, бизнес, шел активный процесс сокращения реального числа акторов в политике. Российская власть реализовывалась по принципу бизнес-корпорации, в основе логики принятия решений которой лежит экономическая необходимость (Макарычев, 2008). Политическое активно подменялось административным, идеологическим обоснованием этого процесса стала идея построения сильной «вертикали власти», которую активно популяризировал бывший глава администрации президента Вячеслав Сурков.

Начиная с 2011 г., властью был взят курс на секьюритизацию общественно-политического пространства. Под секьюритизацией понимается комплекс практик, направленных на формирование у объекта чувства критической уязвимости, следствием чего становится появление потребности в немедленном устранении угрозы путем использования чрезвычайных мер (Якушина, 2012). Используя понятийный аппарат теории секьюритизации, разработанной в рамках Копенгагенской школы, можно охарактеризовать это так: Россия – референтный объект, который, согласно властной риторике, находится под угрозой, а власть как актор секьюритизации, выступающий от имени всей нации, применяет «экстренные меры» для ликвидации экзистенциальной угрозы в лице несистемной оппозиции. Возникшая проблема безопасности позволяет вывести объект из области нормальной политики и придать ему статус чрезвычайного приоритета, что оправдывает действия за границами нормальной политической процедуры (Buzan, 1998).

Официальная риторика третьего президентского срока Путина характеризуется консервативно-националистическим дискурсом (Lipman, 2013). В качестве ключевых концептов данного дискурса выделяются понятия: «суверенность» – не только как политическая категория, но и как духовный и идеологический концепт, конституирующий особый «национальный характер»; «единство»/«консенсус», секьюритизирующие национальную идентичность; и «нормальность», базирующаяся на биополитике (Makarychev & Yatsyk, 2014: 2). В это время меняется дискурс безопасности: если ранее преобладала великодержавная риторика, то после 2011 г. ядром дискурса безопасности стал тезис о «вмешательстве врага во внутренние дела» (Морозов, 2015: 219).

Оценив масштаб оппозиционных волнений 2011–2012 гг., власть начинает применять меры, направленные на выведение оппозиции за скобки общественной дискуссии. В связи с этим, начиная с 2012 г. секьюритизации подвергались различные области общественной жизни, в частности: религиозные чувства, некоммерческие организации, публичные общественные мероприятия.

Наиболее акцентированно новая стратегия энемификации проявилась в дискуссии вокруг принятия федерального закона РФ «Об иностранных агентах». Вслед за принятием закона российские медиа усилили кампанию против нелояльных НКО. Их деятельность подвергалась публичным нападениям и ранее, еще со времен «цветных революций» 2003–2005 гг., но отныне их представляли согражданам уже не как маргиналов, «шакалящих у посольств» в ожидании западных подачек, а как значимую угрозу, инструмент возможного свержения режима (Gelman, 2015: 17). Риторика, направленная против подобных организаций, становится ещё агрессивнее на сайте [пятаколонна.рф](http://pyataykolonna.rf), создатели которого, обличающие «врагов народа», в «перечень предателей» вносят все организации реестра НКО, выполняющие функции иностранного агента¹.

Посредством ограничения политического плюрализма и криминализации иностранного финансирования гражданских общественных организаций, власть, очевидно, стремится предотвратить как любую возможность иностранной интервенции и консолидации активной оппозиции, так и развитие влияния активного гражданского общества вне сферы контроля суверенного государства (Pitts & Ovsyannikova, 2015: 135). Включение проблемы иностранных агентов в правовое поле само по себе является реифицирующим актом. Как утверждает Славой Жижек, предписания закона отсылают к существованию объекта, который потенциально связан с воплощением наших желаний: «законы общества задают поле социальной реальности» (Жижек, 1999: 86). Закон «Об иностранных агентах» проводит новую границу в определении нации и объективирует противопоставление, которое исключает из политического пространства часть сообщества.

Изменения в стратегии деполитизации не могли не отразиться на интерпретациях ключевых политических акторов. С момента переизбрания В.В. Путина на третий президентский срок в марте 2012 г., российское общество оказалось в состоянии культурной войны (Robinson, 2014). В этой войне все, кто выступает за перемены в обществе, объявляются предателями и «пятой колонной», способными нанести непоправимый ущерб и поставить под угрозу само существование государства.

Важным инструментом секьюритизации стала масштабная информационная кампания, ключевой идеологемой которой стала «пятая колонна». Так, мысль о внешних хозяевах российской оппозиции и оплаченных Госдепом митингах стала ключевой в телевизионных проектах «Анатомия протеста», «Биохимия предательства», «Эхо Госдепа», нацеленных на дискредитацию деятельности оппозиционеров, принимавших активное участие в протестном движении 2011–2013 гг.

Ключевым событием в этом процессе стала «крымская речь» В.В. Путина, в которой он предупреждает народ о возможном внешнем противодействии российской внешнеполитической деятельности со стороны Запада посредством пятой колонны. Речь в обращении президента шла не только об оппозиционных лидерах, но и о широкой социальной группе, которая ведет чуждый образ жизни, так называемом креативном классе или «креаклах». В общественном дискурсе современной России данный термин приобрел негативную смысловую нагрузку. В выступлении патриарха Кирилла «креаклы» характеризуются как группа людей, «которая пренебрежительно относится к народу, считая его не способным к творческой деятельности»².

Гендиректор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Валерий Федоров определяет креативный класс как «сборище тех, кто кормится за счет нефтяной ренты и на

¹ Организации предателей. Available at: URL: <http://xn--80aa3aekaebe4a6lc.xn--p1ai/orgs.html> (дата доступа: 22.01.2019).

² Патриарх Кирилл обвинил «креативный класс» в презрении к народу. Available at: URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/22/kreakl/> (дата доступа: 22.01.2019).

каждом углу ругает власть». Он также проводит аналогию с «бездельниками – пролетариатом» и предостерегает о возможных последствиях политической деятельности креаклов, о повторении 1917 г.¹. Куда экспрессивнее Федоров прокомментировал скандальное высказывание Владимира Соловьева о протестующих как о «2% дерьма»².

В результате политики исключения была сформулирована категория «несистемная оппозиция», которая противопоставлялась «нормальной», парламентской оппозиции. Позиция представителей партий, представленных в Государственной думе, в ходе голосования по упомянутым выше проблемам указывает на поддержку инициатив власти. Более того, понятие «Пятая колонна» часто употребляется лидерами системной оппозиции в том же контексте, что и правящей элитой. Так, Сергей Миронов – лидер партии Справедливая Россия – в статье под заголовком «Закат “пятой колонны”. Кому ненавистна Россия, встающая с колен?» пишет следующее: «Деятельность “пятой колонны”, как правило, маскируется под оппозиционную деятельность. Именно маскируется! Потому что властину не следует путать с оппозицией»³.

Наиболее рельефно тема порабощения России внешним врагом с помощью российской несистемной оппозиции проявляется в идеологии общественно-политической организации с характерным наименованием «Национально-освободительное движение» (НОД). НОД вносит существенный вклад в становлении лексемы «оккупант» в качестве ключевого слова текущего момента. По мнению лидера НОД Евгения Федорова, Россия на протяжении двух десятилетий – с момента поражения в холодной войне – находится под внешней оккупацией со стороны США. Инструменты данной оккупации: подконтрольный аппарат власти в РФ, а также Конституция, созданная советниками США⁴. Схожим с НОД по цели защиты родины от «пятой колонны» является общественное движение «Антимайдан», основной задачей которого является предотвращение в России «цветных революций»⁵.

К концу третьего президентского срока тема предательства пятой колонны прочно утвердилась в официальной риторике, на это, в частности, указывает появление летом 2017 г. в Совете Федерации Временной комиссии по защите государственного суверенитета, которая должна противостоять «внутренней оппозиции», предназначенной «под внешним управлением внести смуту и расшатать устои, чтобы привести к власти тех, кто сам отдаст иностранным кураторам ключи от государственного суверенитета»⁶.

Обращение к этой теме приобрело обыденный характер. Тема предательства активно рутинизируется посредством медиа. При этом в материалах пропагандистских групп в социальной сети Вконтакте демонизация «пятой колонны» проявляется особенно откровенно. Часто цитируемый в них паблик «Голос мордора», к примеру, призывает не сравнивать отечественных либералов с франкистами-патриотами, а отождествлять с шуцманшафт: «Они будут стрелять, вешать и даже издеваться над мертвыми телами»⁷. При этом апелляция к образам Великой Отечественной войны проявляется непосредственно в политическом дискурсе. Показательно, например, что в упомянутом документальном фильме Константина Семина «Биохимия предательства» современная либеральная оппозиция отождествляется с генералом Власовым, которому посвящена большая часть фильма. Заметным событием российского телевидения стало появление сериала «Спящие», в котором, под «спящими» подразумеваются завербованные Западом агенты. Еще один пример – постоянно действующая во шестнадцати крупных городах выставка «Россия – моя история», где, как отмечает Вольное истори-

¹ Федоров В. (2015). Креативный класс – это фикция. Available at: URL: <http://xn--hlaagokeh.xn--plai/> (дата доступа: 22.01.2019).

² Обухов А. (2017). Соловьева потребовали привлечь к ответственности за возбуждение ненависти против россиян. Available at: URL: <http://www.mk.ru/social/2017/06/16/soloveva-potrebovali-privlech-k-otvetstvennosti-za-vozbuzhdenie-nenavisti-protiv-rossiyan.html> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Миронов С.М. (2014). Закат «пятой колонны». Кому ненавистна Россия, встающая с колен? Available at: URL: http://www.spravedlivo.ru/5_62576.html (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Сю М. (2014). В Россию будут наказывать за обещание дать или получить взятку. Available at: URL: <http://www.spbdnevnik.ru/news/2014-07-08/v-rossiyu-budut-nakazyvat-za-obeshchaniey-dat-ili-poluchit-vzyatku/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Тумакова И. (2013). Евгений Федоров: Российская Конституция – колониальный листок управления. Available at: URL: <http://www.fontanka.ru/2013/11/29/186/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁶ Климов А. (2017) Колонна номер пять. Available at: URL: <http://www.council.gov.ru/services/discussions/blogs/82670> (дата доступа: 22.01.2019).

⁷ Голос мордора (2017). Группа в социальной сети Вконтакте. Available at: URL: <https://vk.com/public120940625> (дата доступа: 22.01.2019).

ческое общество¹, изречения «врагов России» являются псевдоцитатами, а идея «предательства» служит объяснительным механизмом.

Приведенные примеры публичной риторики свидетельствуют о широком спектре средств, которые задействованы в утверждении в массовом сознании идеи опасности, исходящей от «внутренних врагов». Концепт предателя эксплуатируется от первых лиц государства, до маргинальных сообществ и широко распространяется СМИ, пронизывая таким образом весь общественно-политический дискурс.

Концепт «оккупация» в дискурсе либеральной и националистической оппозиции

Сужение политического пространства приводит к усилению в политическом дискурсе агрессивной риторики. Реакцию общественных деятелей, оказавшихся за границами официальной политической жизни страны, на идеологическую кампанию власти лучше всего иллюстрирует концепт «оккупация».

Понятие «оккупант» широко используется всем спектром политических сил несистемной оппозиции, однако его содержание будет определяться идеологическими установками и контекстом использования. Соответствующие рассуждения можно встретить в публицистике известных интеллектуалов. Владимир Войнович, отмечая абсурдность современного российского законодательства и национальной политики памяти, приходит к выводу, что занимаются этими вопросами не «наши российские люди»: «И чем дальше, тем большим мучаюсь подозрением, что наши властные структуры, следственные органы, суды и редакции средств массовой информации пронизаны, ну если не американцами, то может быть какими-то другими оккупантами...»². На вопрос «является ли президент оккупантом?», Войнович отвечает: «Ведь президент не управляет оккупантами, а исполняет их указания». Схожим образом описывает ситуацию Борис Акунин: «У меня возникло твердое ощущение, что моя страна оккупирована врагом...»³.

Концепт оккупации широко используется непосредственно «исключаемым сообществом» – несистемной оппозицией. Глава Фонда борьбы с коррупцией Алексей Навальный, комментируя новость, что фонд Зимина «Династия», оказывающий поддержку молодым ученым и финансирование в развитии науки, был включен Минюстом в реестр иностранных агентов, пишет: «Разве произошедшее не доказывает, что у власти сейчас оккупанты и враги России?»⁴. В тех же понятиях описывает ситуацию известный российский галерист, бывший политтехнолог Марат Гельман: «Любые действия против Путина и этой банды надо считать Освободительным движением»⁵. Помимо информации о заграничных активах представителей власти для утверждения образа власти-оккупанта используется информация о различных формах территориальных уступок. В частности, комментарий Артемия Троицкого к новости о «сдаче Дальнего Востока китайцам» звучит следующим образом: «Надеемся, никто не пропустил эту прекрасную новость из жизни оккупационной администрации за разговорами о подозрительных виолончелистах»⁶.

Употребляется концепт оккупации и в академическом дискурсе. Сотрудник Оксфордского университета В. Пастухов трактует «оккупацию» с в контексте социальной иерархии. С его точки зрения, в современной России оккупационным является весь господствующий класс, представляю-

¹ Еще раз... (2017) Еще раз о мультимедийных парках «Россия — моя история». Available at: URL: <https://volistob.ru/statements/eshche-raz-o-multimediynyh-parkah-rossiya-moya-istoriya#.Wkg65QBuzf0.vk> (дата доступа: 22.01.2019).

² Войнович В. (2014). Оккупанты. Available at: URL: <http://echo.msk.ru/blog/voinovich/1324752-echo/> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Кан, А. (2015). Борис Акунин: «Моя страна оккупирована врагом». Available at: URL: http://www.bbc.com/russian/society/2015/04/150415_boris_akunin_interview (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Навальный, А. А. (2015). Купи яхту, гад, купи футбольную команду. Available at: URL: <https://navalny.com/p/4262/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Гельман, М. (2015). Запись в Facebook от 03.12.2015. Available at: URL: <https://www.facebook.com/marat.guelman.9?fref=nf> (дата доступа: 22.01.2019).

⁶ Троицкий, А. (2016). Запись на странице интернет-канала ARU TV в Facebook от 07.04.2016. Available at: URL: <https://ru-ru.facebook.com/arutelevision/posts/1296881900340821> (дата доступа: 22.01.2019).

щий собой «сформированную из люмпенов всех мастей (“во фраках”, “в погонах” или “в цепях” – не имеет значения) воровскую элиту и навязывающий населению свои “правила поведения”»¹.

Однако главным объектом критики с рассматриваемых позиций становится государственная система безопасности. Тема «захватчиков» не раз поднималась оппозиционными общественными деятелями в связи с принятием закона о переименовании милиции в полицию. Дело в том, что лексема «полиция» у большинства населения ассоциируется с «полицаями» – прислужниками картельных структур оккупационных фашистских властей во времена Великой Отечественной войны. Ассоциативная цепь «полиция-полицай-оккупанты» прослеживается в статьях некоторых оппозиционных деятелей. Например, А. Орехъ – обозреватель радио «Эхо Москвы» – в своей статье «Полиция – предатели и оккупанты» следующим образом комментирует участвовавшие в 2012 г. случаи насилия людей со стороны полицейских: «Предали народ, который должны защищать от преступников, а сами ведут себя хуже любых бандитов»².

Журналистка Юлия Латынина пишет по случаю убийства журналиста, совершенного милиционером: «Наши менты – это оккупационная армия»³. Возглавляет эту армию, по мнению Латыниной, Путин, так как именно при нем установилась система, при которой «право совершать преступление есть привилегия, даруемая ментам, прокурорам и чиновникам». В сентябре 2017 г. в эфире радио «Соль» правозащитник Лев Пономарев, высказывая сомнения по поводу справедливости расследований уголовных дел в стране, замечает: «Полицейские становятся оккупантами в стране, оккупационной властью»⁴. Новая волна соответствующих ассоциаций связана с информацией о пытках, распространенных в системе ФСИН в 2018 г.

Характерно, что прямое отождествление с образами Великой Отечественной войны свойственно и оппозиционно настроенным общественным деятелям. К примеру, известный либеральными взглядами блогер Мальгин деятельность Следственного комитета неизменно сопровождает заголовком «новости Гестапо»⁵, а Алексей Навальный административные ограничения в ходе избирательной кампании иллюстрирует листовками, которые фашисты распространяли на оккупированных территориях⁶. Избирательная кампания 2016 г. усилила эти тенденции. Дискредитации подверглись даже деятели «системной оппозиции». В частности, на листовке, авторство которой приписывают советнику главы партии «Справедливая Россия» Александру Куваеву, изображены последовательно генерал Власов, депутат КПРФ Валерий Рашкин и Алексей Навальный. В тексте листовки депутаты КПРФ Рашкин и Клычков обвиняются в связях со «шпионом» Навальным, таким образом, по мнению авторов листовки, они «бессовестно плюют на Родину, как плевал генерал Власов на могилы Матросова, Космодемьянской и генерала Карбышева»⁷. Один из основных лозунгов протестной кампании Навального стал лозунг времен Великой Отечественной войны «Не забудем, не простим!» (Мороз, 2012), его же в ноябре 2017 г. использовала партия КПРФ на акции памяти событий 1993 г.⁸

Этнические трактовки «оккупации»

Для представителей националистического спектра политических сил характерно употребление данной лексемы в следующем понимании: оккупант – должностное лицо РФ, не являющееся представителем русского народа.

¹ Пастухов, В. (2012). Государство диктатуры люмпен-пролетариата. Available at: URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/53942.html> (дата доступа: 22.01.2019).

² Орехъ, А. (2012). Полиция – предатели и оккупанты. Available at: URL: <http://echo.msk.ru/blog/oreh/868869-echo/> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Латынина, Ю. (2010). Оккупанты. Available at: URL: <http://o53xo.mvvc44tv.cmle.ru/?a=note&id=9893#> (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Пономарев, Л. «Религиозный монархический терроризм», управа на пранкеров и митинги мусульман. Радиоэфир от 05 сентября 2017. Available at: URL: <https://salt.zone/radio/9230> (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Мальгин, А. (2016). Новости гестапо. Available at: URL: <http://avmalgin.livejournal.com/6319412.html> (дата доступа: 22.01.2019).

⁶ Навальный, А. А. (2016). Внимание. В этом доме живут немцы. Available at: URL: <https://navalny.com/p/4779/> (дата доступа: 22.01.2019).

⁷ Николаева, А. (2016). Казалось бы, при чем тут Рашкин и Навальный? Предвыборный маразм крепчает с каждым днем. Available at: URL: <http://anna-nikolaeva.livejournal.com/404934.html> (дата доступа: 22.01.2019).

⁸ Брагин, А. (2017). «Не забудем! Не простим!». В Москве коммунисты и их сторонники провели митинг и шествие, посвященные 24-й годовщине трагических событий осени 1993-го. Available at: URL: <https://kprf.ru/actions/kprf/169389.html> (дата доступа: 22.01.2019).

Приведенное толкование подразумевает два объяснения: либо представитель власти, несмотря на свою русскую национальность, не представляет интересы русских; либо он не является русским по национальности и действует в интересах своей национальной общности. Среди современных русских националистов широко обсуждается концепция криптоколонии, сформулированная писателем Дмитрием Галковским. Суть ее заключается в том, что Россия находится под скрытым влиянием Великобритании, при этом метрополия обеспечивает свое господство над русским народом с помощью представителей национальных меньшинств – новиопов¹.

Российский и швейцарский философ, блогер Эдуард Надточий в публикации «Суверенность и погром. Кризис в Бирюлёво» утверждает, что бирюлевский погром отражает высокую степень недовольства народа политикой нынешнего режима. Дело в том, что кавказские мигранты воспринимаются народом, по мнению Надточего, как коллаборанты: «Кавказские мигранты – колониальная сила режима, превратившегося в простую оккупационную власть, не имеющую и не желающую иметь с туземцами ничего общего»².

Однако встречается также смешение двух данных вариантов понимания лексемы *оккупант*. Так, например, Егор Холмогоров – публицист, политический деятель, национальный демократ, главный редактор сайтов «Русский Обозреватель» и «Новые Хроники» – заявляет о нелегитимности сегодняшней российской власти, а также о том, что чиновничество проводит, по сути, антinationальную политику, противоречащую государственным интересам. Для Холмогорова чиновничество – это “пятая колонна”, пособничающая выходцам с Кавказа. «Мы не должны позволять внешним врагам или пришельцам разрушать государство, – пишет Холмогоров, – на развалинах возникнет не наше более лучшее государство, а лишь их оккупационный режим, который будет еще более кровавым и жестоким (там, где им это удалось, как в дудаевской Чечне, они очень хорошо показали ждущую русских судьбу)³».

Здесь мы видим, как позиция Холмогорова пересекается с вышеуказанной позицией Надточего, разница лишь в акцентах: в первом случае оккупантами являются сами «выходцы с Кавказа», а «чиновничество» выступает в роли “пятой колонны”, а во втором оккупанты – представители российской властной элиты, а кавказские мигранты – колониальная сила режима.

Националистическое направление в современной России не является монолитным, а представлено множеством различных партий и движений, программные принципы которых, как и позиции по тем или иным вопросам, являются порой диаметрально противоположными. Так, например, один из представителей российского правого движения Владимир Истархов следующим образом прокомментировал раскол в националистических кругах по украинской проблеме: «Настоящие русские националисты должны бороться за освобождение России от путинских оккупантов! А не за войну в Украине за финансовые интересы путинского олигархата»⁴. Характеризуя нынешних «оккупантов» России, Истархов помимо определения «путинские» активно использует «кремлевские», «иудейские».

С высокой частотностью исследуемую лексему используют представители радикального национализма. На информационном портале Русского имперского движения, признанного экстремистским, есть отдельный новостной раздел под названием «Хроники оккупации», в котором фигурируют следующие заголовки «В день празднования Курбан Байрама российская столица была оккупирована ордой мусульман», «Кремлевские» собираются «равномерно» расселить кавказцев по всей территории РФ, с пометкой «Таким образом оккупанты планируют бороться с демографическим кризисом в стране»⁵.

Характерно, что два концепта «предателей» и «оккупантов» имеют свойства дискурсивно переплетаться. Так, один из ярких публицистов националистического толка Егор Просвирнин, в связи с

¹ Галковский, Д. Е. (2011). О криптоколонии. Available at: URL: <http://galkovsky.livejournal.com/183226.html> (дата доступа: 22.01.2019).

² Надточий, Э. (2013). Суверенность и погром. Available at: URL: <http://www.apn.ru/publications/article30319.htm> (дата доступа: 22.01.2019).

³ Холмогоров, Е. (2012). О национальной демократии, государственничестве и патриотизме. Available at: URL: <http://www.rus-obr.ru/lj/18778> (дата доступа: 22.01.2019).

⁴ Русские националисты раскололись по украинскому вопросу перед Русским Маршем. Available at: URL: http://rusmonitor.com/nationalists_split.html (дата доступа: 22.01.2019).

⁵ Хроники оккупации. Available at: URL: <http://o53xo.oj2xg2lnobxe2lbfzuw4ztp.cmle.runews/all.html?tag=genocid> (дата доступа: 22.01.2019).

таинственной смертью одной из ключевых фигур государственной идеологической машины Михаила Лесина, пишет: «Высшие чиновники РФ, завещающие похоронить их в родной американской земле. Ну и те, кто этих чиновников назначает и утверждает. И что крик «Ловите шпиона!» - реально актуален, шпионов у нас в России до хрена, только вот шпионы - это не полоумные бабки с украинскими флажками, а... Додумайте сами»¹.

В использовании концепта «оккупантов» Просвирнин ближе к тактике представителей российской либеральной оппозиции. Они под оккупантами подразумевают, в первую очередь, представителей «нелегитимной властной элиты», проводящих антинациональную политику, часто в интересах другой страны. Примечательно, что в таком случае не используется более подходящий для данной ситуации термин – «коллораборационисты». Причина данной подмены понятий кроется, возможно, в меньшей экспрессивности уместного термина.

Российская «несистемная» оппозиция, в попытках реполитизироваться, воспроизводит активно навязываемую милитаризованную риторику, разворачивая ее в противоположную сторону. Таким образом, реализуется ответная стратегия секьюритизации – вывод власти за пределы добра и зла путем «разоблачения» ее «антинациональной» сущности.

Заключение

Если в 2008 г. электоральная прочность позиций Путина обеспечивалась административной деполитизацией, которая подразумевает политическую апатию населения, целиком занятого вопросами частной жизни, то рейтинги 2015 г. достигнуты политикой секьюритизации. Это означает, что граждане не просто вовлечены в политический процесс, а воспринимают события общественной жизни на экзистенциальном уровне. Изменения в управленческой стратегии, очевидно, стали вынужденной мерой, как ответ на стихийную реполитизацию, начавшуюся зимой 2011–2012 гг. С одной стороны, власти необходимо все время поддерживать необходимую степень вовлеченности граждан в политический процесс, повышая их эмоциональный заряд посредством секьюритизации все новых и новых сфер общественной жизни. С другой, политическую активность населения необходимо постоянно удерживать в нужном русле.

В этой ситуации исключаемое из политики сообщество вынуждено проводить противоречивый курс. С одной стороны, оно пытается вернуться в политическое пространство, путем участия в выборах, апелляции к правовым институтам и т.п.; с другой, запускает ответную стратегию энемификации, основным средством реализации которой становится концепт оккупации. Таким образом, крайние формы энемификации начинают занимать центральную роль в организации общественно-политического дискурса России.

Конструирование образа врага посредством выведения части политического спектра за рамки национального сообщества можно рассматривать как универсальный механизм, который сопровождает процесс национального самоопределения с самого его зарождения. Риторика предательства актуализируется с момента суверенизации нации, когда происходит процесс нивелировки вертикальных донововременных сообществ. Одной из ранних ее проявлений можно считать «Закон о подозрительных», принятый постановлением Конвента в разгар Французской революции.

Специфические формы, которые приобретают стратегии энемификации в современной России, оказываются тесно связанными с мемориальными практиками. В центре социальной памяти – Великая Отечественная война: «оккупант» и «предатель» в российском общественном сознании отождествляются с образами гитлеровского фашизма, которые являются носителями предельно негативных коннотаций. Изменение принципов стратегии деполитизации привели к усилению общественно-политической активности, что, к примеру, в мемориальной составляющей проявилось в акции «Бессмертный полк». Она активизирует сотни тысяч человек по всей стране, что было невозможно представить в нулевые годы.

Главной целью этих мемориальных практик является достижение определенной степени эмоционального накала, который в новой социальной ситуации определяет демаркацию политического пространства. В рамках темы Великой Отечественной войны тропы «предательства» и «оккупации» приобретают наиболее сильные значения, что позволяет эффективно формировать политические ис-

¹ Sputnik & Pogrom (2016) Запись на фейсбук от 13.03.2016. Available at: URL: <https://www.facebook.com/sputpom/photos/a.287321078022225.69487.287285068025826/986827978071528/?type=3&theater> (дата доступа: 22.01.2019).

ключения. Само упоминание войны в любом контексте активизирует дискурс деполитизации: подспудно помещает политическое воображение в ситуацию экзистенциального противостояния.

Характер деполитизации, основанной на переводе общественных проблем в область национальной безопасности, подразумевает постоянный контроль над общественным сознанием. Эта стратегия переопределяет границы политики с помощью радикальной энемификации общественно-политического дискурса - крайнего способа легитимации, исключающего консенсус, издержки которого – состояние мобилизованности, соответствующее открытому гражданскому противостоянию.

Библиографический список

- Гельман, В. Я. (2015). 'Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам', *Контрапункт*, 1, сс. 1–11. [Gel'man, V. Ya. (2015) 'The Politics of Fear. How the Russian Regime Confronts Its Opponents' [Politika strakha: kak rossiiskii rezhim protivostoit svoim protivnikom], *Kontrapunkt*, 1, pp. 1–11. (In Russ.)].
- Макарычев, А. С. (2008). 'Безопасность и возвращение политического: критические дебаты в Европе', *Индекс безопасности*, Т. 14. 4, сс. 25–40. [Makarychev, A. S. (2008) 'Security and the Return of the Political: the Critical Debates in Europe' [Bezopasnost' i vozvrashchenie politicheskogo: kriticheskie debaty v Evrope], *Security Index*, Vol. 14, 4, pp. 25–40. (In Russ.)].
- Макарычев, А. С. (2013) 'Онтологическая депрессия и отсутствующий центр идеологии: Россия глазами зарубежных экспертов', *Неприкосновенный запас*, 6 (92), сс. 245–251. [Makarychev, A. S. (2013) 'Ontological Depression and the Absence of Ideological Centre: Russia as viewed by the Western Experts' [Ontologicheskaya depressiya i otsutstvuyushchii tsentr ideologii: Rossiya glazami zarubezhnykh ekspertov], *NZ*, 6 (92), pp. 245–251. (In Russ.)].
- Мороз, А. Б. (2012). 'Протестный фольклор декабря 2011. Старое и новое', *Антропологический форум*, 16 online, сс. 173–192. [Moroz, A. B. (2012) 'The "Folklore" of Protest Demonstrations in December 2011. The Old and the New' [Protestnyi fol'klor dekabrya 2011. Staroe i novoe], *Antropologicheskij Forum*, 16 online, pp. 173–192. (In Russ.)].
- Нойманн, И. (2004). Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей; пер. с англ. И.А. Пильщикова. Москва: Новое издательство. [Neumann, I. (2004) *Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation [Ispol'zovanie «Drugogo»: Obra-*
- Рансьер, Ж. (2006). На краю политического. Москва: Праксис. [Rancière, J. (2006) *On the Shores of Politics [Na krayu politicheskogo]*. Moscow: Praxis Publ. (In Russ.)].
- Якушина, О. (2012). Теория секьюритизации в международных отношениях. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1#.VwRmaZyLRMw> (дата доступа: 05.08.2018). [Yakushina, O. (2012) *Theory of Securitization in International Relations [Teoriya sek'yuritizatsii v mezhdunarodnykh otnosheniyakh]*. Available at: <http://www.geopolitica.ru/article/teoriya-sekyuritizacii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-ch1#.VwRmaZyLRMw> (Accessed: 22 January 2019). (In Russ.)].
- Butler, J. (2006) *The Power of Mourning and Violence*. London; New York: Verso.
- Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers.
- Edkins, J. (1999) *Poststructuralism and International Relations. Bringing the Political Back In*. Boulder. CO: Lynne Rienner.
- Gelman, V. (2015) 'The Politics of Fear. How the Russian Regime Confronts Its Opponents', *Russian Politics and Law*, Vol. 53, 5–6, pp. 10–21.
- Lipman, M. (2013) 'The Kremlin Turns Ideological: Where This New Direction Could Lead' in: Lipman, M., Petrov, N. (eds.) *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 220–239.
- Makarychev, A., Yatsyk, A. (2014) 'A New Russian Conservatism: Domestic Roots and Repercussions for Europe', *Notes Internacionals*, 93, pp. 1–6.
- Makarychev, A. (2008) 'Politics, the State, and Depoliticization', *Problems of Post-Communism*, Vol. 55, 5, pp. 62–71.
- Morozov, V. (2015) *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*.

зу *Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnosti*]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.).

Радченко, Д. и Архипова, А. (2018) 'Укроп и ватник: язык вражды российско-украинского конфликта как нападение и защита', *Ab Imperio*, 1. сс. 191–220. [Radchenko, D., Arkhipova, A. (2018) 'The Dill and the Watchcoat: The Hate Speech of the Russo-Ukrainian Conflict as Attack and Defense' [Ukrop i vatnik: "yazyk vrazhdy" rossiisko-ukrainskogo konflikta kak napadenie i zashchita], *Ab Imperio*, 1, pp. 191–222. (In Russ.)].

London: Palgrave Macmillan.

Rieber, R.W., Kelly, R.J. (1999) 'Substance and Shadow: Images of the Enemy' in: Rieber, R.W. (ed.) *The Psychology of War and Peace: the Image of the Enemy*. New York: Plenum Press.

Robinson, N. (2014) *The Political Origins of Russia's "culture Wars"*. Limerick: University of Limerick.

Žižek, S. (1998) 'A Leftist Plea for "Eurocentrism"', *Critical Inquiry*, Vol. 24, 4, pp. 991–993.

Žižek, S. (2004) *The Lesson of Rancière* in: Rancière, J. *The Politics of Aesthetics*. London & New York: Continuum, pp. 72–75.

Информация об авторах

Кузнецова Ольга Андреевна – магистрант, Томский государственный университет. E-mail: kuznetsova.olga02@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6790-5053. ResearcherID: B-9733-2019).

Михайлов Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский Институт Управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: damihan@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-9691-4725. ResearcherID: R-2850-2018).

Статья принята к печати: 30.04.2019

MILITARIZATION OF THE ENEMY IMAGE IN THE MODERN RUSSIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

O. A. Kuznetsova

National Research Tomsk State University

D. A. Mihailov

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Abstract

The article deals with the special aspects of creating enemy images in Russia in the period of the socio-political crisis caused by the 2011/2012 elections. Since 2011, securitization of socio-political space became a key strategy of Russia's domestic policy and the official rhetoric acquired a conservative national discourse. The change in the depoliticization strategy has led to the redetermination of the key actors in power relations. The most extreme forms of enemification in modern Russia's socio-political discourse turned to be militaristic and can be reduced to two main concepts: 'traitor' and 'occupant'.

The restriction of the political space inevitably leads to intensifying 'aggressive rhetoric' in the political discourse. In this case, those excluded have to pursue controversial policies. On the one hand, the excluded part tries to return to the political space. On the other hand, it implements a counterstrategy of securitization built around the concept of occupation.

Enemification strategies in modern Russia are closely connected with memory practices. The Great Patriotic War is supposed to be in the center of social memory and such words as 'occupant' or 'traitor' are identified with Nazism and, therefore, have extremely negative connotations.

The process of enemification in modern Russia's socio-political discourse can be examined from different points of view. Firstly, enemification is an important part of the nation-building and self-determination of any political community. Secondly, militarization of discourse indicates special cultural aspects of Russia's social memory.

Keywords: state power; non-systemic opposition; securitization; enemification; hate speech; image of enemy; occupant; traitor.